

И.В. Луговая

«В дороге»

Это первое стихотворение, показанное молодым Некрасовым Белинскому, высоко его оценившему. Стихотворение знаменует начало нового (после неудавшейся книги «Мечты и звуки») этапа в становлении Некрасова-поэта. Даже более того: в стихотворении предсказана вся лирика шестидесятников с ее анализом крестьянской жизни.

Стихотворение «В дороге» написано в 1845 году. Белинский, критически относясь к подражательным стихам Некрасова из его первого сборника «Мечты и звуки», восторженно приветствовал это стихотворение, воскликнув: «Да знаете ли вы, что вы — поэт, и поэт истинный?!» Что же дало критику основание сразу увидеть в Некрасове «истинного поэта»? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно внимательно вчитаться в текст стихотворения. Совокупность трех аспектов определяет идейно-художественную значимость стихотворения «В дороге» — идеологического, нравственно-психологического и эстетического. В этом стихотворении противопоставлены два мира: мир господ, по милости которых гибнут ни в чем не повинные жертвы, и мир бесправных крепостных крестьян, которые не могут распоряжаться ни своей жизнью, ни судьбой, ни трудом. Все сочувствие, все симпатии поэта — на стороне обездоленного крестьянства. Социальный аспект стихотворения необычайно остр; из-за барской прихоти искалечена жизнь двух молодых людей. Это само по себе вызывает негодование. Однако обличительным пафосом не исчерпывается художественное содержание стихотворения. Внутренний драматизм здесь глубже, и чтобы понять это, необходимо творческое воображение. О духовной стороне драмы не сказано прямо, ее нужно почувствовать, увидеть во внешних событиях и обстоятельствах. Внешняя тяжесть жизни Груши очевидна, хотя не стоит преувеличивать неспособность бедной женщины к физическому труду. Слова ямщика: «Белоручка, вишь ты, белоличка» и «Ни косить, ни ходить за коровой...» — не надо воспринимать чересчур прямолинейно. Обратите внимание на слова: «Грех сказать, чтоб ленива была» и «При чужих и туда, и сюда, / А украдкой ревет, как шальная», — ведь ими частично опровергается иронически осуждающий оттенок названия «белоручка». У Груши нет презрения к физическому труду: просто ей действительно не под силу та сверхтяжелая, почти мужская работа, какая извечно лежала на плечах русской крестьянки. Это чувствует сам ямщик:

Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас...

Вина господ не только в том, что они оторвали Грушу от привычной среды, не приучили к работе. Задумаемся о другом: внимание ямщика сосредоточено на бытовых, внешних обстоятельствах. О том, что жена «на какой-то патрет все глядит да читает какую-то книжку», он говорит мимоходом. Но ведь эти слова не могут не стать источником размышлений о духовной стороне драмы, о нравственных страданиях Груши. Что томит ее, кроме работы? Почему она плачет — только ли от непосильного труда? На какой портрет глядит она? Обо всем этом не особенно задумывается ямщик, но читатель не должен ограничиваться поверхностным взглядом. Может быть, на портрете Груша видит человека, которого раньше любила? Такое мнение психологически неоправданно: жена-крестьянка не могла бы открыто, на глазах у мужа предаваться тоске по другому. Вернее предположить, что это может быть писатель или поэт, с книжкой которого Груша не расстаётся; человек, вызвавший в ней стремление к осмысленной жизни, настоящей любви, счастью. У научившейся «на варгане играть и читать» Груши пробудилось сознание,

созрела душа. И физические тяготы, быть может, менее страшны крепостной крестьянке, чем духовное одиночество. Ямщик не способен ее понять. Характерно: ее заботу о сыне, элементарную, по нашим понятиям, он воспринимает как необычную, как «дворянское баловство». А Груша всего-то сынишку

Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барченка, каждый день чешет,
Бить не бьет...

Чистота, грамотность, отсутствие побоев непривычны для ямщика, отсюда его страх: «...Погубит она и сынишку».

Можно негативно, «от обратного», судить, каков же повседневный крестьянский быт... Рядом с Грушей нет никого, кто бы понял ее. Заботы о сыне, хоть и утешают, не могут не принести новую боль: какая судьба ждет его? Стремление к счастью, разбуженное воспитанием, приобщением к культуре, неосуществимо в тех социальных условиях, в которые Груша поставлена. Этим определяется внутренний драматизм рассказанной ямщиком истории. Судьба Груши вызывает у читателей глубокое сочувствие. Это естественно — она более всего страдает, более всего «без вины виновата». Даже муж называет ее «злодейка-жена». А все «злодейство» ее в том, что нет ни физических, ни душевных сил для жизни. Но и ямщику досталась нелегкая доля, мимо его изломанной судьбы и страданий тоже нельзя пройти равнодушно. Он искренне сокрушается, что жена сохнет и вот-вот сойдет в могилу. По-своему он жалеет Грушу, готов ее не только «одевать и кормить», но и «потешать». Он «не томит» ее тяжелой «безустанной работой», почти не бьет («разве только под пьяную руку»). Дело не в том, что пьяным ямщик мог бывать достаточно часто. Важны его субъективные чувства и намерения. Виновен ли он, заслуживает ли упрека за то, что не в состоянии понять жену, что для него она хоть и страдаллица, но и «злодейка» тоже? Он ведь тоже по-своему — жертва господ: женили его помимо воли, согласия в семье не сложилось, впереди — вдовство и одиночество. Он способен душевно отнестись к жене («Без пути не бранил, / Уважал, тоись, вот как...»). Правда, трагичности происходящего с ней он не понимает. Но ведь и она не делит с ним его душевных забот. Каприз господ изломал жизнь обоим: нравственные, психологические и социальные причины трагедии крестьянской семьи взаимосвязаны. Таким образом, сфера лирического у Некрасова расширена, лирика вбирает в себя элементы социально-психологической прозы и обогащается возможностями нового способа выражения авторского сознания.

Необходимо отметить, что автор в данном случае не «совпадает» ни с одним из своих лирических персонажей: он стоит и за «баринном», и за «ямщиком»: каждый из героев говорит «от себя» и видит свой мир, а автор вмещает в свое сознание и мир «барина», и объемность лирического повествования. В стихотворении жизнь представлена многослойно, страдание почувствовано вдвойне или даже втройне: оно и от горя мужика, и от горя несчастной Груши, и от горя народной жизни.